

Последний сплав.

В.Павлов

Несколько минут суеты под рев винтов, короткое прощание с экипажем. Накрываем бутор с барахлом нашими телами, вертолет уходит. Фантастическая тишина после почти трех часов вертолетного грохота. Наконец, мы на месте. Я начинаю срочно ставить лагерь, но Борис Георгиевич меня останавливает. Постой, сейчас будем пить чай. Быстро, но не спеша, собираем костер. Еще несколько минут, и мы, развалившись на теплой косе, в полном расслаблении цедим чай из кружек. Закончен самый трудный этап полевых работ – их организация. Впереди то, ради чего было потрачено столько сил, нервов, времени, денег – работа в долине р.Мойеро, изучение одних из лучших в мире разрезов силура и ордовика. На многие сотни километров ни одной человеческой души, шумит при впадении в Мойеро Правый Мойерокан, тепло, красиво вокруг. Тело и душу заливают благодать: какая у нас красивая страна, какая у нас красивая Земля, какие мы хорошие ребята... Таких моментов в жизни – два – три. Когда будешь умирать – будешь вспоминать именно эти моменты почти-счастья. И тому, что это у меня было, я обязан, в значительной степени, Борис Георгиевичу. Почти ничего не сказано, почти ничего не сделано, но факт передачи опыта, вроде бы банального, и, в то же время, драгоценного, состоялся.

С Борисом Георгиевичем хорошо, спокойно. За ним сорокалетний опыт полевых работ, природная (а может быть приобретенная?) мудрость. Третий день стоим на устье Кочукана, третий день идет довольно сильный дождь. Кочукан, речка-переплюйка, превратился в грозный поток. Коса, на которой стоит наш лагерь, на глазах сжимается, палатка течет, от печки только дым, тепла нет, внизу пороги, назад ходу нет. Ничего страшного, переустанавливаем “по уму” палатку (Борис Георгиевич знает, как сделать лучше), в жалкой полярной тайге находим “сахарное” (как говорил Б.Г.) бревнышко, он же из консервной банки делает какое-то приспособление на печную трубу. Еще 20-30 минут – и в палатке – “ташкент”, что-то ужасно вкусное жарится на печке (кажется рыба, им же пойманная и приготовленная), неспешные байки и бывальщина, бесконечный чай. В эти дни ему исполняется 60. Я других не сужу, у каждого своя жизнь, свои обстоятельства. Но насколько же “круче” по мне, наше скромное празднование, самых пышных юбилеев. У французов есть выражение “savoir vivre” – уметь жить, знать, как надо жить. По-моему, Б.Г., более чем кто-либо другой, обладал этим знанием и умением.

Многое запомнилось, еще большее забылось от того поля 93-го года. Помню, как выгонял он нас, любивших поспать, из палаток к приготовленному им же завтраку, а потом провожал в маршрут. Помню, как ловил тайменей, при этом есть их не давал (коптил), но кормил совершенно фантастической ухой из их голов. Помню, как в последний день перед отлетом с Мойеро подарил нам по огромному копченому тайменю, чтобы мы могли угостить в Москве своих близких. Много всякого было, но два воспоминания стоят особняком. В один из первых дней мы работали с Игорем Черным в долине Мойеро выше устья Правого Мойерокана. Б.Г. остался в лагере. Работа шла, мы продвигались все выше и выше. Кончили верхнеордовикские разрезы, начали силур, прошли водопад, траповую”трубу”, в общем, ушли довольно далеко от лагеря. Назад возвращались поздно вечером, благо вечера, да и ночи тогда, стояли солнечные. Правда, к первому часу ночи небо стало затягиваться, подул ветер, погода явно менялась. Игорь сидел на баллоне лодки, я – за веслами. На перекатах вода захлестывала на баллоны, в лодку, Игорь заметно промок. Из-за этого мы еще на какое-то время задержались (надо было немного подсушиться). К лагерю подплывали уже в третьем часу утра. Километров за 5 от лагеря вдруг увидели на правом берегу человеческую фигуру с рюкзаком. Это Б.Г., изволновавшись, что нас поздно нет, нагрузил на себя лодку и аптечку и шел нас спасать. Меня не так часто в жизни спасали, поэтому это запомнилось.

Другое воспоминание связано с чувством недоумения, что ли, которое возникало у меня при виде того, как Б.Г. проходил пороги. К тому времени у меня уже был определенный опыт полевых работ, но вышло так, что до этого я работал на более или менее спокойных речках. С серьезными порогами на Мойеро я столкнулся впервые, и они вызывали у меня здоровое (как я сейчас понимаю) чувство опасения. Прежде, чем сунуться в тот или иной порог, мы с Игорем его по возможности внимательно осматривали, смотрели, куда лучше плыть, если можно было, старались обнести вещи или протягивать лодку вдоль берега. Для Бориса Георгиевича же этих проблем как будто бы не существовало, он, практически не глядя, “нырял” в любую “трубу”, без каких-либо видимых забот и тревог успешно преодолевал любые пороги. Тогда я решил для себя, что все это проявление и результат большого опыта и знаний, и только много позже до меня дошло, что здесь же, похоже, имела место быть еще такая страшная вещь, как потеря чувства опасности. К сожалению, я понял это слишком поздно.

Через два года, когда Б.Г. узнал, что я организовываю поле на Кулюмбэ, он подошел ко мне в институтском коридоре и сказал: « Я с тобой поеду». Забавно, что он даже не спрашивал меня, согласен ли я, есть ли для этого чисто технические возможности. Вероятно, он был уверен, что я с радостью соглашусь на это предложение и сделаю, все, чтобы его реализовать. К этому времени, несмотря на разницу в возрасте, у нас установились, не рискну сказать дружеские, но, скажем так, особые отношения, в основе которых лежало, может быть, близкое мироощущение, близкое понимание того, что такое хорошо и что такое плохо, как надо делать и как делать не надо. Нет необходимости говорить, что я был страшно рад тому, что Б.Г. едет с нами. Надо сказать, что непосредственно в наших исследованиях Б.Г. не участвовал, ездил с нами, отчасти, чтобы отдохнуть, половить рыбу, развеяться. При этом я не думаю, что эти поездки были бесполезны в профессиональном смысле. Наоборот, в связи с этим я все время вспоминаю глубокую, как мне кажется, фразу Б.Г. о том, что геология – это набор образов. Каждая новая поездка давала Б.Г. те образы, которые впоследствии сложным образом трансформировались в его статьи, монографии. Мой же корыстный интерес состоял в том, что с нами едет человек, за которым во многих отношениях можно было чувствовать себя в поле, как за каменной стеной – его присутствие давало мне ощущение спокойствия и надежности. К тому же, в условиях перманентно тяжелой финансовой ситуации, Б.Г. вливался в наш отряд как полновесный финансовый компаньон, внося в смету отряда свой скромный миллион рублей, который, по крайней мере, покрывал стоимость его авиабилетов в Игарку и обратно.

Все шло удивительно хорошо. До Игарки добрались быстро и без проблем, прекрасно разместились на уже разваливавшейся, но все еще замечательной базе СНИИГИМСа. Там же получили все необходимое снаряжение, включая рацию, печку, спасжилеты и, кажется, оружие. Нас было пять человек, мы были довольно хорошо экипированы. Через несколько дней мы уже летели в верховья р. Кулюмбэ, где и были выброшены в 15-17 км ниже Нижнего Кулюмбинского озера под мощным, весьма впечатляющим водопадом. Было начало июля, на берегах реки местами еще лежал снег. Первые три-четыре дня мы делали небольшие рекогносцировочные маршруты, акклиматизировались, но главным образом, ждали погоду. Эти дни время от времени шел мелкий дождь, который несколько задерживал начало нашего сплава вниз по реке к обнажениям, которые являлись основным объектом наших исследований.

В первый же день Б.Г. поставил (естественно, в самом правильном месте) сетку и на следующий день я уже помогал ему вынимать из нее около двух десятков хариусов и сегов. Было ясно, что благодаря Б.Г. проблем с рыбой и питанием у нас не будет. Я потом много раз вспоминал эти дни и, думаю, не ошибусь, если скажу, что Б.Г. тогда находился в крайне комфортабельной психологической обстановке. Мы все буквально смотрели ему в рот, часто обращались за тем или иным советом, по всем вопросам и проблемам он был для нас безусловным авторитетом. Я думаю, в эти дни он отдыхал душой и телом.

Пятого июля мы начали сплав. Вода была большая, несло нас с хорошей скоростью. К вечеру этого дня мы вышли с работой из основного траппового поля и оказались в поле распространения девонских красноцветов.

Шестого числа мы продолжали сплав с отбором образцов. Погода стояла замечательная: теплая, тихая, солнечная. Было настолько тепло, что Дима Сипин и Саша Тарлецков пытались даже купаться. К вечеру мы поставили лагерь на правом берегу Кулюмбэ напротив устья ручья Турука. Бориса Георгиевича, похоже, стало уже слегка возмущать, что прошла почти неделя нашего пребывания на реке, а он еще не поймал ни одного тайменя. Место, где мы остановились, показалось ему вполне обещающим, и он решил на следующий день вплотную разобраться с этим вопросом. Непогода первых дней несколько выбила нас из графика, до основных обнажений было еще около 10-12 км пути и было ясно, что мы не можем (если бы я только знал!!!) задерживаться ради рыбалки. Борис Георгиевич подошел ко мне со словами: “Володя, у меня хорошая идея: я останусь здесь на день половить рыбу, вы езжайте работать дальше, а к обеду следующего дня я вас догоню”. Я знал, что ловля тайменя для Б.Г. была одной из главных радостей в жизни, отказать ему я не мог, уговаривать было бесполезно. Нам предстояло сплавиться вниз по реке еще около 10 км – 2 часа ходу. Река, при соблюдении необходимой осторожности, казалось, не представляла опасности, погода была замечательная, диких зверей в районе работ практически не было. Все это, учитывая огромный опыт Бориса Георгиевича, в том числе опыт одиночного сплава по рекам, позволило мне согласиться на его предложение. Тем не менее, я несколько раз и довольно настойчиво пытался навязать Б.Г. в спутники кого-нибудь из наших ребят. Он от этого отказался и, честно говоря, в душе я его отлично понимал. Несколько лет до этого я имел опыт одиночного десятидневного сплава с работой по Кольме, и это оставило у меня совершенно необычные ощущения и воспоминания. Мне это крайне трудно передать словами, но, как мне кажется, человека это испытывавшего будет снова и снова тянуть повторить этот опыт. Так я совершил ошибку, которая тяжким камнем лежит на моей совести. Безусловно, в том, что случилось потом, есть значительная доля моей вины.

Впереди был Силурийский порог, который один из сотрудников отряда проходил в позапрошлом году. Нам было известно, что порог вполне проходим даже для малоопытных сплавщиков, кроме того, его совсем не обязательно проходить на лодке - ее можно провести на веревке или просто легко обнести мимо порога. Груза у Б.Г. было мало, порог не должен был представлять для него сколько-нибудь серьезное препятствие. Я взял с него слово, что перед прохождением порога он его осмотрит и, в случае необходимости, обнесет.

Солнечным вечером 6-го июля, когда все уже легли спать, мы с Б.Г. еще долго ходили по косе, обсуждая, в частности, его статью, которая незадолго до этого вышла в журнале ВСЕГЕИ и носила, на мой взгляд, откровенно эпатажное название – что-то вроде: «Современная тектоника плит – крупнейшая теоретическая ошибка геологии 20 века». Абсолютно ясно было, что за этим названием стояла не фанатичная упертость закоснелого “фиксиса”, а ироничная усмешка (может быть даже с легкой подначкой), человека, который понимает, что природа неизмеримо сложнее всех человеческих схем.

Утром 7-го июля мы попрощались с Борисом Георгиевичем и договорились, что будем ждать его 8 июля к середине дня. На косе вместо четырех палаток оставалась его одна, река уносила наши лодки вниз, он стоял у берега и махал нам рукой.

Сплав нашей группы до следующей стоянки прошел вполне нормально. Я и Дима Сипин без проблем прошли Силурийский порог, Саша Тарлецков и Володя Водовозов провели свою лодку на веревке. Силурийский порог находится на узком участке реки в месте выхода на поверхность плотных метаморфизованных силурийских известняков. Здесь скорость течения заметно увеличивается и в правой части реки возникает ряд водных валов – бурунов. Высота первого, самого большого из них, около 1.5 м, остальные заметно ниже. Эти валы при неправильном вхождении в порог могут представлять

некоторую опасность, в то же время, они вполне обходимы, поскольку в левой части реки вода сливается относительно более спокойно, без образования валов. Уровень воды в реке в это время был довольно высокий, никаких камней, на которые лодка могла бы налететь, в русле не было. Вода в реке была очень холодной, вряд ли ее температура была выше 8-9 градусов. Длина участка реки с бурунами не превышала 30-40 м, после порога с правого и левого берега имелись косы и бичевники, куда, в случае переворачивания, можно было бы обратиться без больших проблем.

После прохождения порога мы сплавились до устья ручья Загорный (5-6 км ниже порога), где установили лагерь и продолжили работы. На этом участке сплава у нас произошло маленькое приключение. Где-то в километре-полтора ниже порога, на каком-то мелком буруне, то ли из-за неловкого движения, то ли из-за наклона лодки, упал в воду Володя Водовозов, который сидел на баллоне, тогда как Саша Тарлецков в это время правил веслами, находясь на скамейке в центре лодки. Володя был в спасжилете, мы все даже не успели испугаться, как его голова появилась на поверхности, после чего он тут же был вытянут на берег. Болотные сапоги были полны воды, сам он был абсолютно мокрый, однако теплое солнце и костер быстро сделали свое дело и минут через сорок о приключении почти забыли. Мне бы насторожиться, вспомнить о том, что Борис Георгиевич, мягко говоря, не любит одевать спасжилет, оставить кого-нибудь у порога на всякий случай до завтрашнего дня, но нет, увы, я не воспользовался тогда последней возможностью как-то подстраховать Бориса Георгиевича.

8 июля мы работали на береговом обнажении и ждали Бориса Георгиевича, когда (около 15 часов), оглянувшись на реку очередной раз, я заметил проплывающий мимо ярко-синий предмет. Первое чувство было удивление – что бы это могло быть - ведь такого цвета в тайге нет. Через мгновение до меня дошло, что это, похоже, рюкзак Б.Г. Я кинулся в лодку, догнал рюкзак – там были сложенные сети и какие-то мелкие личные вещи. Появилось чувство беспокойства, но не сильное. Я подумал, что рюкзак с лодки, скорее всего, смыло, и представил, как будет удивлен и обрадован Б.Г., когда мы ему предъявим пропавший рюкзак. Однако через несколько минут, когда ребята увидели выше по течению перевернутую лодку Б.Г. застрявшую на мели, стало по настоящему жутковато. Мы бросились с лодкой туда. Не доплывая несколько десятков метров, я выпрыгнул из нашей лодки на мель и побежал, черпая воду в сапоги, к перевернутой лодке Б.Г. Боялся, что при переворачивании лодки Б.Г. мог запутаться в веревках, которыми он обвязывал лодку, и захлебнуться в воде. Но нет, подбежал, перевернул лодку, Бориса Георгиевича под ней было. Подумалось: “Ну что же, перевернулся, упустил лодку, дело житейское. Сейчас сушится где-то у порога или уже спускается пешком вдоль берега к лагерю”. Но было, конечно, уже сильно тревожно. Мы с Сашей Тарлецковым взяли лодку, аптечку, что-то из еды и пошли вверх по реке к порогу по левому берегу. Через несколько минут вверх по правому берегу ушли Володя Водовозов и Дима Сипин.

За каждым поворотом реки надеялись увидеть Б.Г., но, ни в районе порога, ни ниже, его не было. Это было уже совсем плохо, хотя еще оставалась надежда, что по каким-то причинам он упустил лодку в районе старого лагеря и сейчас находится где-то на берегу реки выше порога. Мы с Сашей продолжили движение в сторону нашей старой стоянки, где мы оставили Бориса Георгиевича. На старом месте Бориса Георгиевича не было и было очевидно, что он организованно снялся со стоянки и отправился вниз по реке. Мы повторили весь наш вчерашний путь, внимательно осматривая берега. Бориса Георгиевича нигде не было. Не доплывая нескольких километров до лагеря, мы увидели доски, которые использовал Борис Георгиевич при установке палатки. Поскольку доски лежали на берегу, я подумал, что это наверняка Борис Георгиевич выловил их из реки и оставил, чтобы завтра забрать. Сознание цеплялось за малейшую надежду. Уже подплывая к лагерю, за последним поворотом реки мы увидели вдали еле различимые силуэты людей, стоявших у костра. Напрягая глаза, пытались насчитать 3 фигуры, однако, вскоре стало ясно, что у костра стоят только два человека. Последняя надежда, что мы

разминулись с Б.Г. и сейчас, устав, он отдыхает в палатке, погасла, как только мы прибыли в лагерь. Бориса Георгиевича в лагере не было. Всю ночь я ходил в окрестностях лагеря в долине реки, надеясь увидеть в предутренних сумерках фигуру приближающегося Бориса Георгиевича, однако, ни тогда, ни после Борис Георгиевич в лагерь не пришел.

Следующие несколько дней остались в памяти как кошмарный сон, когда, с одной стороны, отчетливо осознаешь происходящие события и, с другой стороны, понимаешь, что этого не может быть. Мы непрерывно прочесывали берега и острова реки, пытались выйти на связь с нашей базой, администрацией района, местным УВД. Весь день 9-го июля радио молчало, мы кричали как в пустоту, и только к вечеру нам удалось выйти на связь с геофизиками из пос. Бор, которые обещали сообщить о нашем несчастье в Игарку. Утром следующего дня нам удалось передать сообщение в диспетчерскую метеослужбы в г. Снежногорск, 11 июля с нами установила связь наша база в Игарке. Все эти дни мы непрерывно вели поиски Бориса Георгиевича, еще и еще раз обыскивая берега реки, острова, отмели.

12 июля к нам прилетели 3 сотрудника УВД Игарки – молодые ребята из уголовного розыска, милиции и прокуратуры. Они быстро выполнили все необходимые следственные действия, проявив при этом по отношению к нам максимум человеческого участия, вели себя хорошо и достойно. 14 июля был выполнен облет района на вертолете. Вертолетчики, которые обслуживали буровую, расположенную вблизи Кулюмбэ, также по моей настоятельной просьбе осматривали долину реки, однако тело не было найдено.

Вертолет за нами должен был прилететь 25 июля, и я решил продолжать поиски вниз по реке, делая при этом работу, поскольку просто сидеть и ждать, когда нас заберут, думая о происшедшем, было невыносимо. Мы несколько раз обследовали реку на расстоянии более 20 км ниже порога. Далее река разбивается на многочисленные протоки, где искать практически бесполезно, и вливается в Хантайское водохранилище, которое представляет собой огромное пространство залитой водой низменной тайги с многочисленными торфовыми островами, завалами гниющих деревьев, неопределенной береговой линией.

В конце 20-х чисел, когда вода упала и обнажились многочисленные косы и отмели, я снова предпринял поиски вдоль всей реки ниже порога, однако за исключением спиннинга в чехле, вынесенного на берег острова Олений, ничего найдено не было. 29 июля я встретил под порогом геологов Игарской партии Норильской экспедиции, которые сообщили мне, что рыбак с буровой, который часто ловит рыбу на реке, видел Бориса Георгиевича, плывущего к порогу, и предупредил его о необходимой осторожности.

30 июля нас забрал вертолет в Игарку, 31 июля я сообщил о происшедшем жене Бориса Георгиевича – Елене Владимировне. От базы, где мы жили, до переговорного пункта надо идти километров 5-6. Я несколько раз ходил туда и обратно, не решаясь позвонить - не знаю, были ли у меня в жизни более жуткие моменты, врагу такого не пожелаешь. Страшно даже представить, что пережила в эти дни Елена Владимировна. С моей стороны было несколько звонков. Первый разговор был совсем коротким, после моего первого сообщения, Елена Владимировна была, вероятно, просто физически не в состоянии что-то сказать. То, что она мне сказала, когда я позвонил ей второй раз, является в моих глазах выдающимся примером высокого мужества и порядочности. Она мне сказала: “Володя, не вините себя. Вы не виноваты в том, что произошло”. В эти дни жуткой личной трагедии Елена Владимировна нашла в себе силы, чтобы поддержать меня, хотя, конечно, не могла не понимать, что заметная доля вины в том, что произошло, лежит и на мне. В дальнейшем, я познакомился ближе с Еленой Владимировной и ясно понял, насколько выдающейся и уникальной была эта пара – Борис Георгиевич и Елена Владимировна – людей исключительной интеллигентности и порядочности, сильнейших ученых.

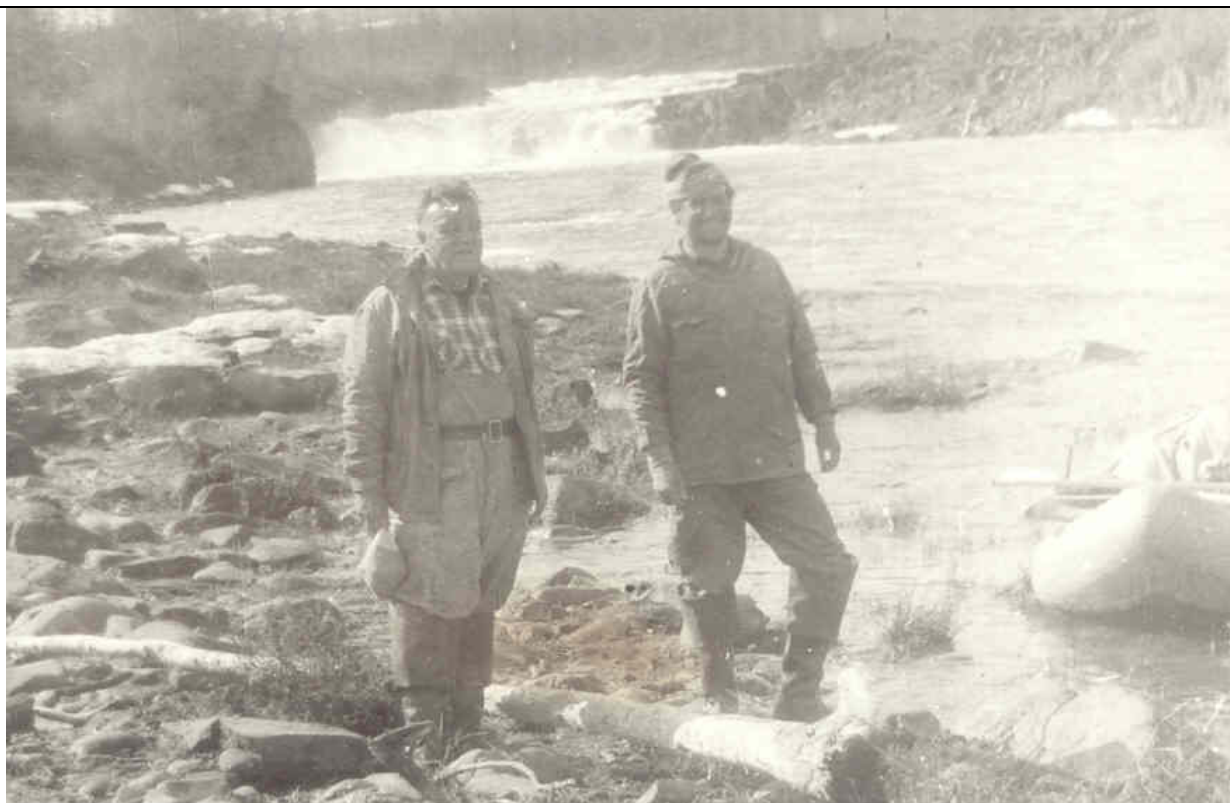
Я не знаю, что случилось с Борисом Георгиевичем. Мне трудно представить, что Б.Г. с его огромным опытом, мог перевернуться на Силурийском пороге, однако другой сколько-нибудь правдоподобной версии я предложить не могу. Может быть, это был шок от резкого перепада температур или от удара при перевороте досками, которые он вез в своей лодке (лучше бы так), может быть, его утянули вниз сапоги (не дай бог), не знаю. Я приезжал на Кулюмбэ еще через год, все это время на реке работали двое предупрежденных мною людей с метеопоста, время от времени вдоль долины реки летал вертолет с буровой – тело не было найдено.

В память Бориса Георгиевича, на острове Силорд, что находится в 1 км ниже порога, мы поставили камень с надписью:

ЗДЕСЬ, В РАЙОНЕ ПОРОГА, 8.07.95 г. ПОГИБ
Б.Г.ЛУТЦ
ДОБРЫЙ ПОРЯДОЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК, КЛАССНЫЙ ГЕОЛОГ.
БЕЗ НЕГО МИР СТАЛ ХУЖЕ.
ПРОЩАЙ, БОРИС ГЕОРГИЕВИЧ!

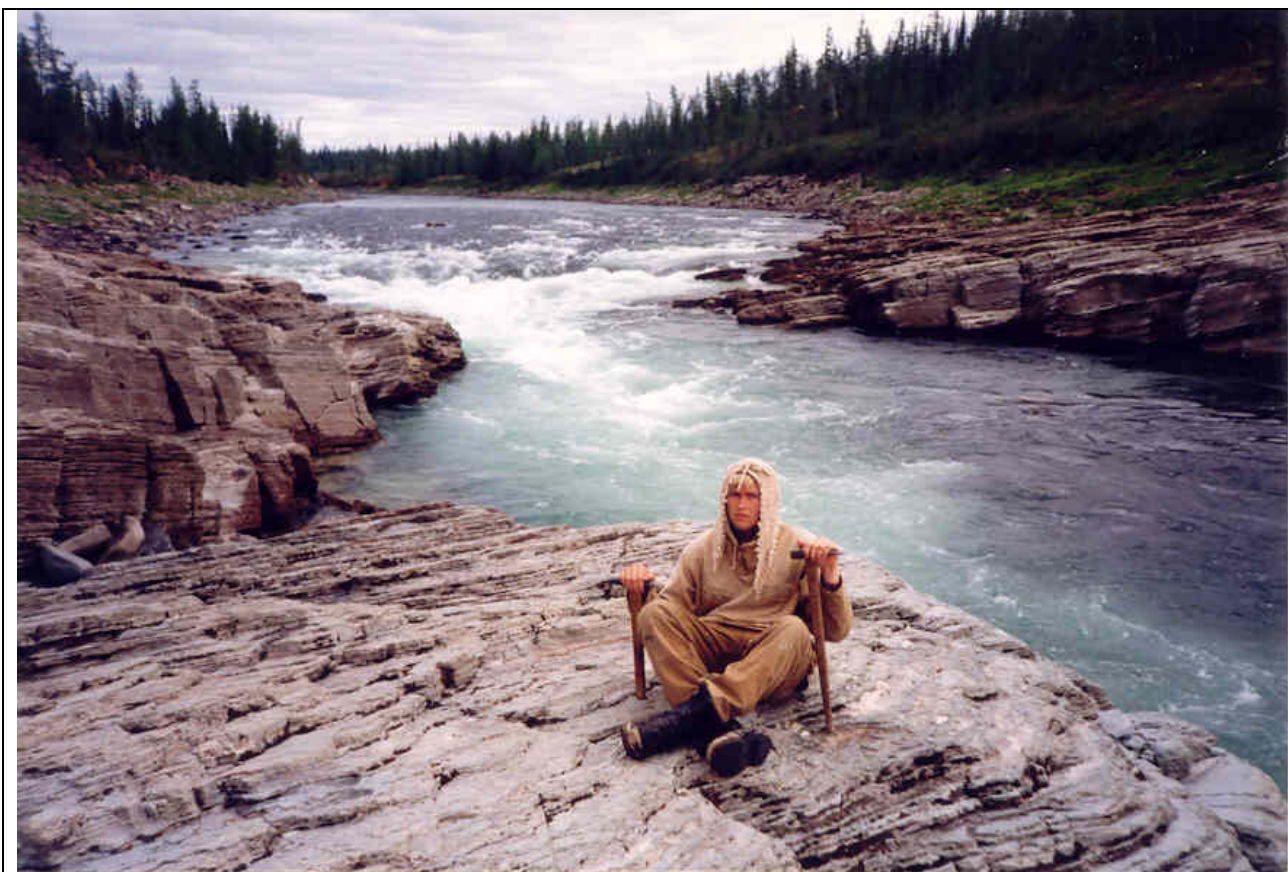
Это снято в Якутске, где Борис Георгиевич работал в 50-70-х годах.

А это, возможно, последняя фотография Бориса Григорьевича (справа- это я)

А это, тот самый порог за день до случившегося. В лодке – опять же я.

Он же, но через какое-то время (1998 г, кажется). По малой воде. Совсем, вроде, безобидный, даже порогом не назовешь... На переднем плане Володя Водовозов.